

ОСТРЕЕ ЖИЗНИ ТОЛЬКО ОНА САМА

Наш специальный корреспондент Людмила **СТОЛЯРЕНКО** побывала в Роттердаме на Всемирной конференции «Телевидение в интересах общества» (INPUT). INPUT — это влиятельная организация, в которую входят специалисты со всего мира, делающие для ТВ документальные фильмы, игровые короткометражки, мультики и телепрограммы

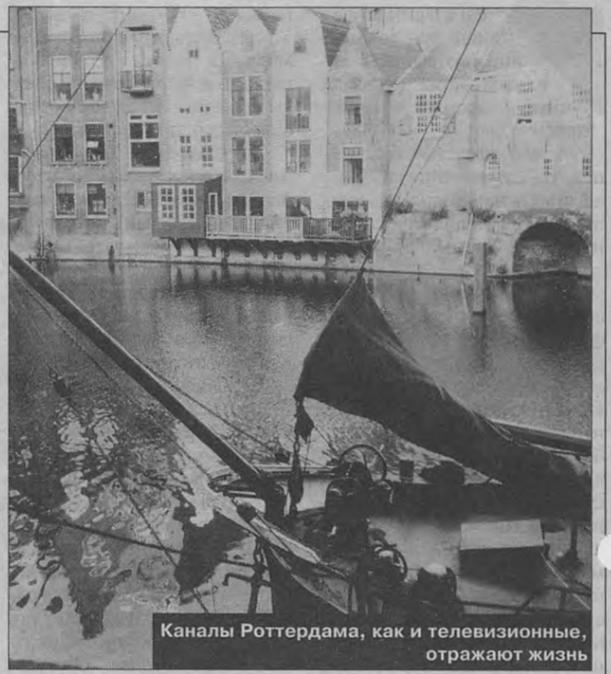
На конференциях INPUTа нет напыщенных страстей и скандалов, глубоких декольте и взятых напрокат дорогих бриллиантов и смокингов. Это не снобистские Канни и «Оскар», да и вообще не фестиваль. Никто не зависит от жюри и не лелеет свои амбиции. А места и призы вообще не присуждаются.

Здесь важнее не *что*, а *как*. Специалисты смотрят фильмы и программы коллег со всего света, спорят, выверяют перспективы, ищут партнеров для совместных предприятий, продаж. И все же это не ТВ-рынок, потому что INPUT всегда служил телевизионным мечтателям, искренне болеющим за «телевидение для людей».

В центре дискуссий стояли самые разные проблемы. Сегодня «цифровое кино» — магические слова, а мини-камера —

неотъемлемый атрибут современной документалистики. Новая техника активно меняет медийный ландшафт. При таких возможностях вторжения в реальность непонятно, зачем использовать в документальных фильмах «подсадных уток». До сих пор гремит в СМИ скандал с фильмом, сделанным на BBC, где сексуальную маньячку сыграла журналистка. Якобы для придания фильму остроты. Непонятно: зачем? Острее самой жизни все равно ничего не бывает. Но иногда эта острота оборачивается большими страстями. «Стрингер» — фильм-исповедь Эдуарда Джафарова, человека редкой профессии, существующей только на высоком адреналине. Кое-кого из публики ранило высказанное Джафаровым во время дискуссии мнение о том, что выпрыгивающих из небоскребов 11 сентября людей нужно было показывать по ТВ хотя бы ради того, чтобы Америка не заходила в безудержном пацифизме после не очень точных бомбардировок самолетами США лагерей афганских талибов. Французский продюсер Патрик Баррат был так возмущен этим мнением, что в сердцах закричал: «Я не желаю смотреть фильмы таких авторов!»

На INPUTе наш корреспондент Людмила Столяренко встретилась с несколькими известными документалистами. Первое интервью мы предлагаем вам в этом номере.

Каналы Роттердама, как и телевизионные, отражают жизнь

Снимать «чернуху» — порочный способ продать себя за границу

— Марина, мне кажется, вы остаетесь очень российским человеком, в вас есть неизбывная вселенская грусть...

— Это правда. Все мои творческие планы связаны с Россией, я часто приезжаю домой и продолжаю считать себя российским режиссером. В России я все чувствую и понимаю. А в Америке понимаю, но не чувствую. Потому что фильмы, которые я там сделала, не принесли мне удовлетворения.

— Чем вы занимаетесь в Америке?

— Преподают документальное кино в одной из лучших киношкол США — в университете UCLA в Калифорнии.

— Какие изменения, на ваш взгляд, происходят в теледокументальном кино? Появляются ли какие-то новации, прорывы?

— Конечно! Прежде всего это новая цифровая мини-атюрная видеотехника, которая позволяет режиссерам-операторам быть мобильными, практически жить с камерой.

Раньше съемочный период требовал трех недель подготовки, трех недель съемки, потом монтаж... С появлением цифровых камер кино делается куда быстрее и как бы изнутри. В Дании в 1990-х режиссер Ларс фон Триер создал движение «Догма», практикующее съемки игрового кино цифровыми

— Очень много и самого разного свойства. В нем три разных направления. По таким каналам, как Discovery, Animal Planet, Learning Channel, History Channel, Biographies, документальные программы идут круглосуточно. По стилистике они все практически одинаковы, сделаны по принципу: интервью и иллюстрирующий или дополняющий его изобразительный материал. Причем снимается все это очень по-голливудски, с драматизацией, педантированием эмоций.

Кроме того, на экранах — огромное количество всякого рода документальных расследований. Есть специалисты-режиссеры,

которые бьют не в бровь, а в глаз. Режиссеры раскрывают самые запутанные и скрытые истории. Некоторые из таких фильмов даже снимают с показов. Как, например, фильм «Джихад в Америке». Журналист и режиссер Стивен Эммерсон глубоко исследовал истоки исламского терроризма. Фильм прошел на экране только один раз, и его больше не показывали — испугались реакции американских мусульман. Есть еще программа Frontline Дэвида Феннинга, которая идет еженедельно и тоже очень серьезно копает.

Кроме того, существует канал общественного телевидения (PBS) с очень серьезными,

они тратят годы на доставание грантов и иных источников финансирования, чтобы снимать свои авторские фильмы. Потом сражаются месяцами, а порой — годами за показ в эфире. Я такие фильмы особенно люблю, они часто бывают настоящими творческими открытиями.

Сейчас очень интересно работает канал HBO, который пристально следит за тем, что производится в теледокументалистике, и, как только видит, что некая картина интересна, необычна и почти готова, дает на ее завершение деньги. Многие фильмы, получившие «Оскара», прошли именно через этот канал.

— В России нет канала общественного телевидения, по которому можно было бы показывать серьезное документальное кино. Как вы вообще оцениваете ситуацию с документалистикой в России?

— На нее мало выделяют денег, нет отдельных, специальных «слотов», то есть точно зарезервированного в сетке вещания времени на демонстрацию фильмов. Но говорить, что Россия ничего в мировой документалистике не представляет, нельзя. Я стараюсь просматривать все новые российские фильмы и могу сказать, что у нас очень интересное документальное кино. Есть потрясающе талантливые молодые режиссеры. Не говоря уже о таких известных именах, как Виктор Косаковский или Сергей Дворцовый. Есть масса молодых, которые только начинают свою творческую жизнь, — например, Евгений Соломин из Новосибирска.

Но у наших режиссеров есть серьезная проблема: они плохо знают иностранные языки, и это губительно сказывается на их взаимоотношениях с внешним миром. Язык сегодня — очевидная необходимость, иначе нам не избежать вечной жизни в «гетто».

Кроме этого, нужно серьезно думать о нашем имидже, о том, как Россия представлена в глазах мировой общественности. Мы сами себя губим, потому что показываем фильмы, как правило, очень негативного содержания, так называемую «чернуху». Обидно за страну — ну не все же у нас в России так безобразно, не все бомжи, преступники и убийцы! Я совсем не призываю «замазывать» наши проблемы. Но нужно их уравновесить каким-то позитивным смыслом. А то получается, что Запад хочет видеть нашу «чернуху» и мы отвечаем: вот, пожалуйста, берите, кушайте на здоровье. Это порочный способ продать себя за границу.

Беседовала Людмила **СТОЛЯРЕНКО**
Фото автора

Марина Голдовская

Марина ГОЛДОВСКАЯ — классик российской теледокументалистики. Два самых известных ее фильма — «Власть Соловецкая» и «Архангельский мужик» — явились серьезным политическим прорывом накануне перестройки. Творческий багаж Голдовской — тридцать документальных лент, среди них — фильмы об Олеге Ефремове, о МХАТе, Цветаевой и русской интеллигенции. Она — член Российской академии телевидения (одна из первых двенадцати наших «академиков»), доктор наук, автор вузовских учебников, 25 лет преподавала в МГУ и вырастила не одно поколение тележурналистов. Сегодня Голдовская живет в Лос-Анджелесе и не скрывает, что разрывается между двумя континентами. Саму себя она называет: «Голдовская — американка из России»

Ориентация этой киношколы — на независимое и авторское кино. У нас в России всегда было жесткое деление: режиссер, оператор, сценарист, монтажер... А там я учу студентов быть всеми в одном лице. То есть делать картину самостоятельно — в качестве автора с собственным взглядом на мир.

Такой интересной работы у меня не было никогда. А о технических возможностях, которые есть в американской школе, студентам МГУ пока, к сожалению, можно только мечтать. У нас на журфаке никогда не было сколько-нибудь современной техники. А ведь российские студенты не менее талантливы, чем американцы.

— Режиссер, оператор, сценарист в одном лице — это тенденция мировой документалистики?

— Порочное деление, которое у нас в России культивировалось всегда, на Западе уже практически себя изжило. Я была, наверное, одной из немногих российских операторов, ставшей еще и режиссером. Это не приветствовалось ни теми, ни другими. Ведь у нас режиссеры всегда относились к операторам с некоторым превосходством. Как сказал мой хороший знакомый, классик кинодокументалистики Ричард Ликок: «Оператор, конечно, человек нужный, но на обед его не приглашают».

мини-камерами. Различные эффекты достигаются без лишних хлопот. Кстати, знаменитый «Мулен Руж» снят тоже цифровой камерой. А если говорить о собственном опыте, то я практически никогда не расстаюсь со своей камерой.

— Куда движется документальное кино, получив такие технические возможности?

— Прежде всего в сторону создания потрясающих личных историй. Это то, что людям сегодня особенно интересно. Режиссер часто даже становится героем фильма, а документальное кино, отражая жизнь в деталях, смотрится как игровое.

Еще одна инновация — новая жизнь «говорящих голов». Раньше их документалисты не жаловали. Ведь это был кратчайший и не вполне творческий путь к истине: вопрос — ответ. Ничего увлекательного и волнующего. А сейчас практикуется обмен мнениями, впечатлениями, размышлениями, то есть автор включен в диалог с героем, возникает поле напряжения, люди общаются друг с другом и с камерой, и возникает новое качество отражения жизни через жизнь героев. Когда-то Лев Рошаль назвал это эффектом скрытого изображения, когда человек в интервью раскрывается больше, чем в действии.

— Что такое документальное кино на американском телевидении? Много ли его на экранах?

которые занимаются только такими проектами: изучают хронику, архивы и очень глубоко копают. У таких каналов огромная аудитория: дети, студенты, домохозяйки. А по их фильмам можно изучать историю — ведь смотреть легче, чем читать.

Другое направление — исследовательская журналистика. Та, которую мы и называем «четвертой властью». Копают американцы, надо сказать, глубоко. Художественно это не очень интересно, но по содер-

проблемными, аналитическими программами. Это самая сложная для режиссеров, но самая качественная и интересная теледокументалистика. Но, будучи некоммерческим, этот канал испытывает невероятные финансовые трудности и вынужден постоянно бороться за выживание.

Есть еще огромное количество так называемого независимого кино (independent cinema), где режиссеры сражаются за свои проекты буквально голы-

АФФЕКТ СКРЫТОЙ КАМЕРЫ

Режиссер из Екатеринбурга Алексей Федорченко: примерка к мировой славе